

КОНЦЕПЦИЯ СУДЕБНОЙ РЕФОРМЫ 1991 ГОДА И СОВРЕМЕННЫЙ УПК РФ: ДОСТИЖЕНИЯ И ПРОБЛЕМЫ

В статье рассматриваются особенности Концепции судебной реформы 1991 года, ее соответствие Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации, достижения и проблемы в процессе применения Концепции.

Ключевые слова: Концепция судебной реформы, Уголовно-процессуальный кодекс, институционализация уголовного судопроизводства.

Институционализация уголовного судопроизводства, осуществляемая с начала 90-х годов в соответствии с Концепцией судебной реформы, была ориентирована на установление приоритета прав и свобод человека и гражданина, расширение процессуальных гарантий для участников уголовного судопроизводства, оптимизацию процедур расследования и рассмотрения уголовных дел.

Прежде всего, концептуальные положения коснулись сферы судебной власти. Была воссоздана мировая юстиция, предусмотрена коллегиальная форма рассмотрения дел с участием присяжных заседателей, введен особый порядок судебного разбирательства, существенно изменилась система пересмотра судебных решений и др. Некоторые нововведения нашли достойное воплощение в российской уголовной юстиции, другие претерпели с течением времени серьезные изменения, а отдельные идеи были реализованы без учета объективных факторов, системного, комплексного подхода, что привело в итоге к неэффективности процессуальных институтов и уголовного судопроизводства в целом.

Концепция судебной реформы 1991 года с учетом существовавших в то время потребностей права и правоприменительной практики обозначила основные направления реформирования законодательства о судостроительстве и уголовном судопроизводстве. Она предусматривала, прежде всего, что уголовное судопроизводство в судебных стадиях будет дифференцировано в зависимости от: 1) категории общественно опасного деяния (введение института мировых судей, к подсудности которых планировалось отнести дела об уголовных проступках, за которые предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок до 6 месяцев; введение суда присяжных наряду с коллегией из трех судей-профессионалов для рассмотрения уголовных дел); 2) апелляционного (в отношении решений единоличных судей) и кассационного (для решений, принятых коллегией судей) порядка пересмотра судебных решений. Производство в надзорной инстанции как способ обжалования и пересмотра при этом предлагалось ликвидировать.

Концепция судебной реформы также предусматривала внедрение института судебного контроля в досудебном производстве, что и было впоследствии реализовано.

В досудебном производстве предлагалось ликвидировать дознание как самостоятельную форму расследования, ввести институт судебных следователей, наделенных подлинной процессуальной независимостью и самостоятельностью.

* © Лантух Н.В., 2016

Лантух Наталья Викторовна (lantukhnv@mail.ru), кафедра уголовного процесса, Санкт-Петербургский университет МВД России, 198206, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилютова, 1.

Безусловно, многие прогрессивные идеи, касающиеся принципиальных положений уголовно-процессуального законодательства, статуса участников и их процессуальных гарантий, которые были заложены в Концепции, нашли свое воплощение в УПК России. Однако следует отметить, что возникли серьезные трудности в реализации отдельных важных положений уголовно-процессуального права, а в некоторых случаях следует констатировать противоречивость таких нововведений.

Так, включение в судебную систему мировых судей было призвано разгрузить районные суды, рассматривавшие до 90 % всех уголовных дел. Безусловно, часть нагрузки была распределена между судьями мировых и районных судов, рассматривавших дела по первой инстанции. Однако при этом надо учитывать, что районные суды выступили вышестоящими инстанциями по отношению к мировым судам, что означало увеличение нагрузки судей районного суда, связанной с пересмотром судебных решений в порядке апелляции (т. е. полного нового рассмотрения уголовных дел). При этом решения мировых судей пересматривал единоличный судья, имеющий такой же статус, как и судья мировой. Следует отметить, что в дореволюционном российском уголовном процессе апелляционный пересмотр решений мирового судьи осуществлял коллегиальный орган – съезд мировых судей, что более всего укладывается в идею пересмотра дела более компетентным судебным органом, действующим коллегиально.

В этой связи следует учитывать, что нагрузка судей районного уровня складывается из временных и ресурсных затрат не только на рассмотрение дел по существу и апелляционный пересмотр дел, но и на производство по жалобам в порядке ст. 125 УПК РФ, судебный контроль за следственными действиями и применением мер принуждения, а также на разрешение отдельных вопросов, связанных с исполнением приговора, возмещением имущественного ущерба и др.

Как следствие, увеличение в несколько раз нагрузки судей районного звена послужило предпосылкой для широкого применения особого сокращенного и упрощенного судебного разбирательства. Если на момент принятия современного УПК РФ рассмотрение дел в особом порядке составляло 20–30 % от всего числа уголовных дел, то в настоящее время – около 80 % уголовных дел. Вероятно, эта ситуация отражается на качестве итоговых решений по уголовным делам. В настоящее время юристами отмечается крайне низкий процент вынесения оправдательных приговоров, что напрямую связывают с широким применением особого порядка судебного разбирательства. Поэтому возникла необходимость в создании новых процессуальных институтов, которые, с одной стороны, обеспечивали бы качество и справедливость судебных решений, а с другой – распределяли бы полномочия судебных органов по осуществлению правосудия и судебного контроля и принятию процессуальных решений в различных стадиях уголовного судопроизводства.

Так, взаимосвязанным с этими положениями негативным фактором является несформированность практики состязательного процесса, обеспечивающего всесторонность и полноту установления фактических обстоятельств дела и справедливость судебного разбирательства, что выступает главной причиной обвинительного уклона в деятельности судов и принятии ими процессуальных решений. Суть обвинительного уклона состоит в стремлении сначала сформулировать, а затем любой ценой подтвердить приговором суда обвинение, которое не отвечает требованию всесторонности, полноты и объективности исследования фактических обстоятельств дела и в силу этого не позволяет суду правильно применить нормы уголовного права и вынести правосудное решение по делу.

Как отмечает Л.А. Воскобитова, обвинительный уклон явно противоречит функциональному построению процесса, но это явление пока еще не осознано практикой

и не нашло достаточно глубокого теоретического исследования. Может быть, потому, что отсутствует регулярный мониторинг законности практики и признаки этого явления недостаточно выявлены и формализованы. Это явление пока не объективизируется в социологических наблюдениях и судебной статистике: нет системы официальных показателей, посредством которых его можно выявить, зафиксировать и статистически обобщить [1, с. 455–462].

Конкретные признаки обвинительного уклона чаще всего проявляются в следующем: 1) дублирование в описательной части приговора изложения фактических обстоятельств, представленных в обвинительном заключении; 2) приоритет материалов уголовного дела над доказательствами, представляемыми и исследуемыми непосредственно в суде; 4) признание органами расследования, прокурором и судом доказательствами обвинения материалов, не отвечающих понятию доказательства, и непризнание подобных материалов для усиления позиции защиты.

Помимо этого отмечается, что при исследовании доводов, приводимых в пользу подсудимого, государственный обвинитель не опровергает, а суд не требует от обвинителя опровержения этих доводов. Органы расследования, государственный обвинитель, а также суд при наличии противоречивых доказательств часто берут за основу процессуальных решений доказательства обвинения, а не доказательства защиты.

Основным средством обеспечения состязательности судебного разбирательства, искоренения обвинительного уклона выступает, по мнению некоторых правоведов, расширение подсудности уголовных дел суду с участием присяжных заседателей. К 2018 году запланировано введение коллегии присяжных заседателей в состав районных судов, что, безусловно, вызовет трудности в практической реализации такой реформы в силу организационных, кадровых и иных причин.

По словам Л.В. Головки, при решении известной дилеммы между активным в континентальной модели и пассивным в англо-американской судом теоретически недооцененной остается проблема зависимости суда от процессуального (профессионального или непрофессионального) статуса судьи. Состязательная форма уголовного процесса моделировалась в Англии исключительно к непрофессиональному суду присяжных, активность которому по своей природе не свойственна. Континентальный уголовный процесс всегда модернизировался иным способом: через профессионализацию суда, находящегося в центре уголовной юстиции. В то же время профессиональный суд может осуществлять правосудие, только опираясь на два технических инструмента:

1) принцип *Jura novit curia*. Суть этого правового положения состоит в том, что суд и судьи вольны сами выбирать, какие законы следует применить для решения рассматриваемого спора. Даже при отсутствии или наличии ссылки от заинтересованных сторон на относящиеся к рассматриваемому делу законы суд независимо ни от кого определяет, какие законы должны быть применены для решения спора;

2) судебно-следственные полномочия, предоставленные суду для самостоятельного установления любого необходимого ему для разрешения уголовного дела фактического обстоятельства. Речь идет об институциональных закономерностях, недооценка которых ведет к деформациям уголовного правосудия [2].

Еще одно планируемое в последние годы нововведение, разработанное теоретической Концепцией «Возрождение института следственных судей в российском уголовном процессе» [3], касается создания особой фигуры следственного судьи, которая бы обеспечивала состязательность уголовного процесса в ходе предварительного расследования. Анализируя в целом данный институт, следует высказать ряд соображений о целесообразности его введения в уголовный процесс.

Следственный судья, по мнению авторов Концепции, должен будет прежде всего обеспечить судебную защиту конституционных прав личности. Именно полномочия

по осуществлению оперативного судебного контроля, направленного на защиту конституционных прав личности, исторически присущи следственному судье.

Так, авторы Концепции в обоснование своей позиции пишут, что институт оперативного судебного контроля не выполняет свою задачу в российском уголовном процессе. Судьи, чьей основной задачей является рассмотрение дел по существу, большую часть рабочего времени вынуждены посвящать рассмотрению жалоб участников процесса, даче разрешений на заключение под стражу, проведение органами расследования следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий. Загруженность «непрофильными» вопросами неизбежно снижает качество рассмотрения основных уголовных дел. Тем более что «арестные» полномочия плохо совместимы с сохранением беспристрастности судей при вынесении приговора [3].

Следственный судья призван также активно участвовать в выяснении обстоятельств, подлежащих установлению, принимая соответствующие процессуальные решения при рассмотрении вопросов: о применении, отмене, изменении мер пресечения, иных мер процессуального принуждения; о признании доказательств недопустимыми; о возмещении реабилитированному лицу причиненного ему вреда, а также при проверке жалоб на действия (бездействие) и решения органов предварительного расследования и прокурора при проведении судейского следственного действия.

По нашему мнению, активная познавательная деятельность следственного судьи при разрешении указанных выше вопросов является необходимым условием принятия законного и обоснованного решения. Однако необходимо обратить внимание на то, что полномочия по осуществлению оперативного судебного контроля предлагается изъять у судей именно с целью обеспечить беспристрастность при рассмотрении уголовного дела по существу. Есть опасность того, что следственный судья столкнется с подобной проблемой на досудебных стадиях, производя судейские следственные действия или осуществляя деятельность по преданию суду.

Концепция предполагает, что решение следственного судьи относительно допустимости того или иного доказательства, полученного на стадии предварительного расследования, приобретает характер преюдиции, поскольку для признания допустимым доказательства, признанного следственным судьей недопустимым, и наоборот необходимо выявление новых, ранее неизвестных обстоятельств. Целесообразность данного положения вызывает сомнение.

Если решение следственного судьи относительно допустимости того или иного доказательства, полученного на стадии предварительного расследования, будет иметь преюдиционный характер, то тем самым ограничивается свобода оценки доказательств судом, рассматривающим уголовное дело по существу.

Однако авторы Концепции запрещают следственному судье делать выводы о достоверности доказательств, устанавливающих виновность обвиняемого, указывая на недостаточность процессуальных условий на стадии предварительного расследования для подобного вывода.

Возникают сомнения относительно достаточности процессуальных условий на указанной стадии для принятия решения о допустимости доказательств, то есть для ограничения свободы оценки доказательств судом, рассматривающим уголовное дело по существу. Есть опасность того, что следственный судья, избрав меру пресечения в виде заключения под стражу, будет связан своим же решением при возможной проверке нарушений закона со стороны органов предварительного расследования при собирании доказательств.

Как указывает Л.В. Головкин, характеризуя тенденции развития континентального уголовного процесса, классическое разграничение уголовного преследования (прокуратура) и предварительного следствия (следственный судья) стало вытесняться во

многих странах разделением на следствие-розыск (полиция и прокуратура) и судебный контроль (следственный судья или судья). Следственный судья постепенно превращался в «судью над следствием» [4].

В этой связи можно сделать вывод о том, что введение института следственных судей, осуществляющих контроль над следователем, без учета современной российской уголовно-процессуальной доктрины еще более усложнит стадию предварительного расследования.

Процесс реформирования проверочных судебных стадий уголовного судопроизводства России был сложным и неоднозначно может быть оценен. В российском уголовном судопроизводстве стали функционировать три исключительные стадии, в которых вышестоящими судами может быть проверена правосудность вступивших в законную силу судебных актов. Тем не менее вопрос об эффективности современной системы пересмотра судебных решений и ее соответствии принципиальным положениям судостройства и судопроизводства остался открытым.

Презумпция истинности вступившего в законную силу приговора имеет правовые основания, вытекает из принципов непоколебимости и окончательности приговора «*res judicata pro veritate habetur*» (решение суда считается истиной). Одним из основополагающих аспектов верховенства права выступает принцип правовой определенности, который требует, чтобы окончательное решение суда не ставилось под сомнение (постановление Европейского суда по правам человека от 23 июля 2003 г. по делу «Рябых против России»).

В настоящее время понимание принципа правовой определенности трактуется российскими учеными и практиками неоднозначно, что затрудняет и постановку вопроса о необходимости наличия в уголовном процессе России экстраординарных способов обжалования и исключительных стадий, связанных с пересмотром решений судов, вступивших в законную силу. Традиционно данный принцип являлся категорией римского права, означавшей недопустимость повторного рассмотрения однажды решенного дела или дела по тождественному вопросу со вступившим в законную силу решением. Содержание данного принципа со времени применения и толкования его Европейским судом значительно расширилось. Указанный принцип имеет целью обеспечить участников правоотношений возможностью точно прогнозировать результат своих действий, защищать свои права и интересы, гарантировать стабильность при разрешении спора правоприменителем. Европейский суд вынес значительное количество решений, в том числе в отношении России, в которых были установлены нарушения пункта 1 ст. 6 Европейской конвенции и принципа «правовой определенности», и указал на то, что отмена окончательных судебных решений противоречит принципам «верховенства права», «правовой определенности».

В связи с этим процессуальные институты кассации «в интересах закона» и судебного надзора не отвечают положениям данного международно-правового принципа и не могут быть им обусловлены. Противоречит данному принципу, например, и возможность кассационного обжалования лицами, которые не были участниками производства по делу (иными лицами) в той части, в которой обжалуемое судебное решение затрагивает их права и законные интересы.

По своей юридической природе исключительные способы обжалования и пересмотра судебных решений должны возникать лишь в силу чрезвычайных обстоятельств и со значительными ограничениями, касающимися субъектов обжалования и пересмотра, круга уголовных дел, по которым допускается производство, видов судебных решений. Однако законодатель стремится перенести «центр тяжести» по проверке судебных решений в исключительные стадии производства по уголовным делам, рассматривая это в качестве существенной гарантии для участников судопроиз-

водства. При этом возможность обжалования может возникать неоднократно, что, скорее всего, делает производство по делу длительным, громоздким и нестабильным.

Как известно, в российском Уставе уголовного судопроизводства 1864 года предусматривалась проверка законности и обоснованности не вступивших в законную силу решений суда в кассационном и апелляционном порядке. Вступившие в законную силу, эти судебные акты могли быть проверены на предмет их правосудности лишь в стадии возобновления дел по вновь открывшимся обстоятельствам. Институт пересмотра вступивших в законную силу приговоров в порядке судебного надзора возник в советском уголовном процессе первоначально в производстве по уголовным делам в революционных трибуналах в период Гражданской войны. В отличие от классического института пересмотра вступивших в законную силу судебных решений по вновь открывшимся обстоятельствам надзорное производство по своей природе являлось упрощенной формой пересмотра, которая была оправдана в исторических условиях существования советского государства, где уголовный процесс использовался как политический инструмент.

Концепция судебной реформы 1991 года предусматривала отказ от производства в надзорной инстанции, однако затем законодатель, существенно его видоизменив, все же закрепил данное исключительное производство в качестве самостоятельной стадии уголовного процесса. В свое время в решении «Никитин против России» Европейский суд признал, что российское надзорное производство может считаться специальным типом пересмотра дел. Европейский суд исходил из европейской практики уголовного судопроизводства, в которой отсутствует надзорное производство и существует лишь пересмотр вступивших в законную силу судебных решений в порядке возобновления уголовного дела по новым и вновь открывшимся обстоятельствам.

Идея о необходимости исправления судебных ошибок посредством дополнительного способа пересмотра, отличного от возобновления дел, стала плодотворной, когда законодатель предусмотрел его возможность лишь высшим судом государства по основаниям, связанным с нарушением уголовного или уголовно-процессуального закона.

Однако в качестве исключительной стадии судопроизводства в УПК РФ было введено кассационное производство, исторически сложившееся как обычный способ обжалования судебных актов. Уголовно-процессуальный закон предусмотрел соблюдение правила инстанционности при рассмотрении дел в кассационном порядке, что, по мнению некоторых ученых, является достоинством судебно-проверочного производства как системы, обеспечивающей последовательность проверки приговора или иного судебного решения.

Данная позиция, на наш взгляд, спорна. В прошлом инстанционность суда родилась с выделением судебной власти в отдельную ветвь и появилась с гуманизацией представлений о наказании. Правосудие обеспечивало снятие социального противоречия между сторонами, соответственно, и не было необходимости в подтверждении решения суда. При наличии инстанционности участники судопроизводства вовлекаются судебной системой в длительный процесс по делу. Выгодным становится наличие «посредников» от правосудия — защитников, представителей.

При производстве в судах апелляционной инстанции еще до вступления решения в законную силу вполне могут быть реализованы процессуальные гарантии для участников процесса, если только грамотно пользоваться предоставляемыми правами. Если говорить о возможности пересмотра уголовного дела *после вступления решения суда в законную силу*, то следовало бы предусмотреть ее, в широком смысле, лишь один раз в Верховном Суде РФ по представлению Генерального прокурора РФ (т. е. в существующем надзорном порядке). В противном случае фактор в виде наличия множества ин-

станций (кассационных и надзорной), тем более в чрезвычайных производствах, можно рассматривать как индикатор неэффективности работы системы уголовной юстиции.

Феномен эффективности в уголовном судопроизводстве заключается в наличии нескольких взаимосвязанных и взаимообусловленных элементов: быстроты производства по делу, процессуальной формы, выступающей гарантом достижения социально значимых результатов беспрепятственного развития правоотношений, в превентивном действии правовых запретов [5, с. 195–196]. Эффективность уголовного судопроизводства можно было бы продемонстрировать снижением количества обращений граждан в суд в порядке ст. 125 УПК; сокращением фактов возобновления прекращенных производством дел, а также редкостью, действительно исключительным характером пересмотра приговоров, вступивших в законную силу.

По мнению И.С. Дикарева, обособление судебного надзора в соответствии с новой правовой регламентацией пока является чисто формальным, изменения носят лишь терминологический характер [6, с. 28]. Действительно, между кассацией и надзором много сходных черт: общий предмет, единый перечень субъектов кассационного и надзорного обжалования, общие требования к кассационным и надзорным жалобам и представлениям, общий порядок их рассмотрения в рамках предварительного производства, основания отмены или изменения судебных решений и другие. Думается, что следовало бы предусмотреть в законе наличие самостоятельного по форме и содержанию судебного надзора (наряду с возобновлением дел) и исключение кассационного производства из экстраординарных способов проверки решений судебных актов. При таком подходе, если смотреть на всю систему пересмотра в целом, будет обеспечиваться эффективность защиты прав и законных интересов участников судопроизводства посредством одного обычного и двух чрезвычайных способов пересмотра. Кассационное производство было бы возможно в качестве обычного способа пересмотра уголовных дел по юридическим основаниям.

В настоящее время назрела необходимость пересмотреть структуру и содержание досудебного производства. Широко обсуждаются проблемы института возбуждения уголовного дела, дознания как первоначального неотложного этапа предварительного следствия, включающего в себя средства уголовно-процессуального, оперативно-розыскного и административного характера. Важным остается вопрос о независимости и самостоятельности следственной власти.

В уголовно-процессуальном праве давно проявляет себя тенденция к упрощению процессуальной формы и обеспечению тем самым процессуальной экономии в тех случаях, когда сторона защиты не оспаривает установленные органами уголовного преследования фактические обстоятельства дела и их правовую оценку.

Вероятно, закономерным этапом в развитии этих идей выступило введение самостоятельной формы расследования в виде дознания, регламентированной главой 32 УПК РФ (к слову сказать, противоположное решение было закреплено в Концепции судебной реформы – ликвидация дознания как самостоятельной формы расследования). Данный институт оказался востребован практикой, и в настоящее время в форме дознания расследуется значительная часть преступлений. Однако с момента принятия современного УПК в течение последнего десятилетия дознание стало трансформироваться в более сложную форму расследования, приближенную по организации, субъектам, срокам, процедуре, содержанию процессуальных решений к основной форме расследования. Трудно понять причину этой метаморфозы, однако есть предположение, что подобная ситуация складывалась из-за объективной потребности упростить в целом досудебное производство, отыскать адекватные способы реагирования на преступления при сложившейся в стране криминогенной обстановке и далее

привести его в соответствие с потребностями практики и современными реалиями. Тем не менее произошло постепенное копирование предварительного следствия дознанием, которое все же оставалось по сравнению с ним формой упрощенной и ускоренной. В недавнем времени в российском уголовно-процессуальном праве появился «настоящий» сокращенный вид дознания, закрепленный в главе 32.1 УПК РФ. Однако, как говорится, опять же с «водой выплеснули ребенка»: законодатель при отсутствии четкой концепции реформирования досудебного производства, введя институт сокращенного дознания, «стер грани» между стадиями возбуждения уголовного дела и предварительного расследования, но в то же время оставил иные важные постулаты права неизменными, чего делать было категорически нельзя.

Безусловно, в настоящее время нуждается в реформировании в целом производство по уголовным делам о преступлениях небольшой и средней тяжести, которое связано с неоправданно высокими издержками – временными и ресурсными затратами. Следует сделать вывод о том, что необходимо провести более четкое отграничение дознания от предварительного следствия, поскольку анализ изменений, внесенных в УПК РФ с момента его принятия, свидетельствует, что дознание и предварительное следствие фактически утратили свои процессуальные различия. Обе формы предварительного расследования в существующем виде производятся, за исключением некоторых процессуальных аспектов, по общим правилам.

Тем не менее введение дознания в сокращенной форме не может в полной мере обеспечить устранение обозначенной проблемы. С учетом данного обстоятельства представляется, что досудебное производство по уголовным делам о преступлениях, не представляющих значительной сложности в расследовании и совершенных в условиях очевидности, должно быть упрощено, а основная часть производства по уголовному делу перенесена в судебное разбирательство, без сокращения судебного следствия.

Развитие института сокращенного вида дознания представляется целесообразным только в том случае, если оно позволит действительно упростить процедуру производства по уголовному делу при сохранении процессуальных гарантий и исключит затягивание производства по уголовным делам. При этом еще раз необходимо пересмотреть взгляды на современную регламентацию обычного вида дознания, а также на конструкцию всего досудебного производства.

Библиографический список

1. Воскобитова Л.А. Обвинение или обвинительный уклон? // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 3. С. 455–462.
2. Закон.ру. URL: <https://zakon.ru/publication/igzakon/6506>.
3. Возрождение института следственных судей в российском уголовном процессе. URL: http://rapsinews.ru/judicial_analyst/20150224/273218436.html#ixzz3XsPi9MhC.
4. Цветков Ю.А. Досудебное производство в ожидании современной доктрины // Уголовный процесс. 2015. № 5. С. 70–81.
5. Петрухин И.Л., Батулин Г.П., Моршакова Т.Г. Теоретические основы эффективности правосудия. М.: Наука, 1979.
6. Дикарев И.С. Судебный надзор в уголовном процессе: проблемы правовой регламентации // Российская юстиция. 2011. № 3.

References

1. Voskobitova L.A. *Obvinenie ili obvinitel'nyi uklon?* [Accusation or prosecutorial bias?]. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava* [Topical Issues of Russian Law]. 2014. No. 3. P. 455–462 [in Russian].
2. Retrieved from: <https://zakon.ru/publication/igzakon/6506> [in Russian].
3. *Vozrozhdenie instituta sledstvennykh sudei v rossiiskom ugolovnom protsesse* [Revival of an institution of investigating judges in Russian criminal process]. Retrieved from: http://rapsinews.ru/judicial_analyst/20150224/273218436.html#ixzz3XsPi9MhC.
4. Tsvetkov Yu.A. *Dosudebnoe proizvodstvo v ozhidanii sovremennoi doktriny* [Pre-trial procedure in expectation of modern doctrine]. *Ugolovnyi protsess* [Criminal process]. 2015. No. 5. P. 70–81 [in Russian].
5. Petrukhin I.L., Baturin G.P., Morshchakova T.G. *Teoreticheskie osnovy effektivnosti pravosudiia* [Theoretical foundations of effectiveness of justice]. M.: Nauka, 1979. [in Russian].
6. Dikarev I.S. *Sudebnyi nadzor v ugolovnom protsesse: problemy pravoi reglamentatsii* [Judicial review in the criminal process: problems of legal regulation]. *Rossiiskaia iustitsiia* [Russian Justitia]. 2011. No. 3 [in Russian].

*N.V. Lantukh**

CONCEPT OF JUDICIAL REFORM OF 1991 AND MODERN CRIMINAL PROCEDURE CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION: ACHIEVEMENTS AND PROBLEMS

The article discusses the features of the Concept of Judicial Reform of 1991, its compliance with the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, progress and challenges in the process of applying the Concept.

Key words: Concept of judicial reform, the Code of Criminal Procedure, the institutionalization of criminal proceedings.

* *Lantukh Natalia Viktorovna* (lantukhmv@mail.ru), Department of Criminal Process, St. Petersburg University of the Russian Interior Ministry, 1, Aviator Pilyutov street, St. Petersburg, 198206, Russian Federation.